

Юрий Токарь

# *Воля Божья?*



Юрий Токаръ

**Воля Божья?**

«Издательские решения»

**Токарь Ю.**

Воля Божья? / Ю. Токарь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901624-9

Роман Юрия Токаря «Воля Божья?» о том, что любовь, дружба, доброта и элементарная человеческая порядочность выше политики, грязи и меркантильности. Описываемые события начинаются на Украине в период Майданного захвата власти. Но потом действие происходит и в Крыму, и в Днепропетровске, и под Киевом, где судьбы человеческие оказываются расколотыми войной. Роман и о том, как сложно, независимо от возраста, отличить настоящую любовь от простого увлечения и игры, а надежду от обмана.

ISBN 978-5-44-901624-9

© Токарь Ю.  
© Издательские решения

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# Воля Божья?

**Юрий Токарь**

© Юрий Токарь, 2019

ISBN 978-5-4490-1624-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман Юрия Токаря «Воля Божья?» о том, что любовь, дружба, доброта и элементарная человеческая порядочность выше политики, грязи и меркантильности. Описываемые события начинаются в Украине в период Майданного захвата власти. Но потом действие происходит и в Крыму, и в Днепропетровске, и под Киевом, где судьбы человеческие оказываются расколотыми войной. Роман и о том как сложно, независимо от возраста, отличить настоящую любовь от простого увлечения и игры, а надежду от обмана.

## Глава 1

Сумрачным утром поздней осени 2013 года сорокасемилетний преподаватель Супрунов Игорь Ярославович успел запрыгнуть в последний вагон электрички, являющейся палочкой-выручалочкой для жителей не только пригорода Киева, но и достаточно отдаленных от столицы районов. Мегаполис давал возможность зарабатывать деньги. Ведь за его пределами найти хорошо оплачиваемую работу не являлось легкой задачей. Супрунов, правда, направлялся из Тетерева не в Киев, а в Ирпень, где в

экономическом колледже преподавал предмет с загадочным названием: «компьютерная логика». Более двадцати лет Игорь учил детей, а не студентов математике и физике. А семь лет даже руководил школой. Но всегда у него тяжело складывались отношения с начальством. Будучи директором, сам взятки не брал и не возил дань в районный отдел образования, а потому, в конце концов, руководящую должность пришлось оставить. Да и потом, несмотря на быстро складывающиеся добрые его отношения с учениками, поддержку их родителей, найти общий язык с начальством получалось далеко не всегда. Вот жизнь и забросила Игоря преподавать специфическую дисциплину в экономическом колледже. Он понимал, что эта работа временная, поскольку занимал место ушедшей в декрет его коллеги. По удивительной иронии вышло так, что уже пятый раз подряд Супрунов устраивался преподавать на место декретчицы. Только раньше делал это в школах, а теперь в колледже.

Сам же он семьи не имел. Не сложилось как-то. Конечно, случайные женщины на жизненном пути Игоря, старающегося поддерживать себя в хорошей спортивной форме, встречались, но слишком уж случайные. Возможно, одной из причин отсутствия у него жены и собственных детей являлся неожиданный факт, – несмотря на свой возраст, более чем скромную, заурядную внешность, отмеченную и рано появившейся лысиной, и проблемами со зрением, заставляющими носить очки, Игорь, все-же, верил в любовь.

Вероятно, у некоторых читателей такое откровение может вызвать улыбку, но всякое случается. Однако мимолетные встречи после вечеринок, в чужих

квартирах или на природе, к светлому и возвышенному чувству отношения не имели. Правда, настоящая вспышка, именно вспышка, а не примитивные блески чувства, мутновато отражающие свет стремления к любви, все-таки в жизни Супрунова случилась. Осветилась вся подлинная сущность Игоря, а может душа его, как вспышкой, неожиданной летней встречей с Викой, удивительной девушкой невесть как оказавшейся на планете Земля, да еще, надо ж такому произойти, именно в то время, когда на этой же планете пребывал и Игорь. Учитель, которому далеко за сорок и возвышенно летящая по своей нежности, чарующая не просто своей красотой, а хрустальной чистотой помыслов девушка Вика. Что могло быть между ними общего? Случилась вспышка эта летом 2012 года, когда согреваемое черноморским солнцем пространство совместилось причудливым образом со временем. Но невероятная сказка, как показалось тогда Игорю, не может быть долгой. А потому с грустью но без особого удивления Супрунов воспринял то, что жизнь развела его и умную красавицу (и такое бывает) сначала по разным городам, а затем и странам. Ведь позже Вика уехала из Украины в Польшу. Тающим свечением от вспышки той явилась последующая переписка в «Одноклассниках», снизошедшая или почти снизошедшая со временем на нет. Кто-то взламал «страничку» Вики, а дни бежали, выстраиваясь в длинную, растворяющуюся в своей однообразности очередь. И все тяжелее Супрунову ставало питать надежду на то, что любовь, настоящая любовь- не только красивый вымысел поэтов, отрезвляющий через некоторое время своей иллюзорной пустышностью, ведя к похмелью, а реальность, иногда, хоть и по всей видимости очень редко, но все-же внезапно рождающаяся на захламленной грехами планете. Жил Супрунов один, в однокомнатной квартире, которую получил еще работая директором школы. Военный городок, зате-

рянный в лесу, на границе Киевской и Житомирской области, в котором и обитал учитель, нравился Игорю, выросшему в крупном областном центре, в Днепропетровске. Лес, всегда пахнувший хвоей, и озерцо, дарующее в жаркие, летние дни прохладный блеск воды, и иллюзия умиротворенности, рожденная некоторой оторванностью от цивилизации, все это придавало городку оттенок очарования. Бывший ядерный объект, изменивший свое предназначения после распада Советского Союза, все же существовал. Но напряженка с работой в далеком гарнизоне заставляла многих его жителей искать места заработка за пределами уютного городка. Вот и приходилось Игорю каждое утро сначала автобусом, а затем электричкой добираться до Ирпенского колледжа. Втянулся. Даже с юмором относился к своему образу жизни. Услышал же когда-то от учеников забавную шутку: " Мой котенок сначала боялся пылесоса, а потом ничего, втянулся...". А с детьми учитель работал не только в школе. Каждое лето Супрунов, имея долгий отпуск, устраивался работать воспитателем в приморском оздоровительном лагере. А еще ж имелись домашние ученики, те, которых потягивал по математике. Так жизнь его и протекала или, точнее, пробегала под стук колес электричек. Политикой он не интересовался, телевизор не смотрел вообще, хватало Интернета. Радио, правда, слушал. Напряженный рабочий ритм не то чтобы нравился Игорю, он просто жил в нем, а как иначе может быть, даже не представлял или не хотел представлять. Мол несёт жизнь куда-то, и пускай несет. Вроде ж направление правильное. Конечно, семью он создать мог. И не раз представлялась такая возможность, но не решался учитель на такой шаг. Считал, что основой семьи должна быть любовь, а если её нет...

«Главное не проехать Ирпень», – мелькнула мысль в голове у дремающего у вагонного окна преподавателя. Но проехать ему не пришлось, как и доспать, хотя бы полчаса. В Бородянке на соседних сидениях устроилась шумная компания.

«Майдан», – равнодушно отметил для себя Супрунов. Именно так он обозначал людей, пытающихся заработать на модном тренде. Проще говоря, участвующих в Киевских митингах за деньги. Расставаясь с надеждой на дрему, Игорь потянулся грустно улыбнувшись. Вспомнил как вчера, возвращаясь вечером домой, перед электричкой зашел в недорогую забегаловку-разливайку. Решил ста граммами водки заглушить ноющую боль в зубе (кстати, помогло, правда не надолго), и там услышал как продавщица обратилась к забредшему на

огонек, бессмысленно стоящему перед Супруновым, прямо у стойки, с перемноженными на ноль карманами, бомжу: «шел бы на Майдан деньги зарабатывать, а не шатался здесь!»

Супрунов же на Майдан не ездил, но с «майдановцами» встречался регулярно. Каждое утро по дороге на работу он видел, как на крупных станциях

вагон электрички набивался организованными группами «митингующих» и их поводырей, уточняющих списки «протестующих против Януковича» и выдающих деньги прямо в электричке.

Вот и на этот раз до сознания Игоря, не спеша доходил смысл, негромко произнесенных утренним «поводырем» слов, явно обращенных к «завербованным» парням: «... так это ж пока только по двести гривен, а на Майдане, после обеда еще по две сотни будет...»

«Хм...400 гривен в день. Цены растут. Раньше всего по двести платили», —

подумалось Игорю. И сразу вспомнился еще случайно услышанный вечером, пару дней назад, в Киевском метро разговор двух подростков лет пятнадцати. Один спросил другого: «ты завтра в школу идешь?», – «та нет, пойду с утра ментов бить на Майдан».

В минувшее воскресенье Игорь, чувствуя душой недобрую ауру вокруг майданных событий, ездил в Голосеевский Монастырь, чтобы поклониться Мощам Святой Матушки Алипии. Именно там записал стих, который родился неожиданно:

Я вместо Майдана ходил в Монастырь,

Там Церковь и чистые души.

Ведь именно их Божий Свет освятил,

Они меж водою и сушей.

И музыке не было места в тиши,  
А только шептались о чем-то,  
Ушедшие друг мой и ученики,  
И мама являлась, но коротко.

Она и при жизни казалась всегда  
Устало-спокойной и тихой,  
И Вася, когда приключилась беда,  
Ушёл без надсадного крика.

За эту мою Православную Русь  
Единую и неделимую,  
Хоть грешный но все-же крещусь и молюсь,  
Спасти, чтоб от непоправимого.

Когда Майдан только начинался, в самый первый его день Супрунов, как обычно, добирался на домашние занятия математикой с учениками, а по дороге слушал музыку, записанную в его выдавшем виды, купленном в комиссионном магазине смартфоне. Любил песни Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Татьяны и Сергея Никитиных. Но тем утром решил послушать не записи, а «Русское радио», однако ища его в насыщенном Киевском эфире случайно наткнулся на «Хит ФМ». Продолжил бы искать желаемую радиостанцию, но остановился на «Хит ФМ», вслушиваясь в завораживающий своей искренней взволнованностью голос диктора. Взволнованностью, не свойственной радио вообще, а уж тем более музыкальному, а не информационному каналу. Ведущий освещал ситуацию он-лайн, связываясь с журналистами радиостанции, находившимися на Майдане. Их сообщения и звонки радиослушателей, описывающих простыми словами для эфира происходившее, прямо с места событий, перемежались с музыкальными хитами.

Через некоторое время Игорь решил послушать сообщения о кажущихся стихийными митингах на именно информационном канале «Эра ФМ», но, странно, там звучала только музыка, чего никогда ранее Супрунов за этой радиостанцией не замечал. Долго выжидал, не будет ли все-же каких-то комментариев политологов в эфире «Эры», но безрезультатно.

А что же «Хит-ФМ»? Основной идеей, озвученной динамиком, а точнее наушниками учителя, была личная просьба радиоведущих к Киевлянам: не участвовать в массовых собраниях и не создавать толпу в целях безопасности. Ведь поведение любой толпы непредсказуемо и может привести к непоправимым последствиям. В те часы, задолго до попыток героизации переворота, дикторы особое внимание слушателей обращали на детей. Просили держать их подальше от мест скопления людей. Супрунов, будучи педагогом, эту позицию радиоканала понимал и поддерживал. Рассказывали на «Хит ФМ» и о подогнанном невесте откуда к администрации Президента тракторе, и о неудавшейся попытке ее штурма, о разбитых стеклах и металлических прутах в руках митингующих. Супрунов узнавал в тот день новости по дороге от одного домашнего ученика к другому. Включенный на смартфоне радиоприемник через наушник настойчиво врвался в привычно-размеренную, хоть и спешащую, жизнь учителя.

Супрунов вглядывался в лица «майдановцев», шумно играющих в карты в утреннем вагоне электрички, рассказывающих анекдоты и обговаривающих суммы заработков на Майдане.

«Их руками делается политика», - подумалось ему - " а им-то самим политика безразлична абсолютно. Только бы деньги платили.»

Значительно позже уже, от своих бывших учеников, которых иногда встречал в электричке, Супрунов узнал, что некоторые молодые люди до обеда зарабатывали деньги на митингах против Януковича, а после обеда на митингах антимайдановцев, проходящих неподалёку, в поддержку Президента Януковича. Понимал учитель, конечно и то, что на массовые собрания приходили и искренне верящие в возможность что-то изменить на

Украине в лучшую сторону с помощью Майдана. Но поскольку, по большому счету, Супрунов политикой действительно не интересовался, то соотнести количество «зарабатывателей» с числом «искренних» он не мог. А кроме того следует отметить, что массовость на Майдане создавалась, в том числе, и за счет случайно попавших туда граждан, пришедших бесплатно послушать эстрадных исполнителей, «потусоваться» (на студенческом сленге, знакомом преподавателю), да еще и перекусить бесплатно. Бутербродами и кофе Майдоновцы обделены не были.

Не проехав Ирпень и добравшись таки до колледжа, Игорь Ярославович успел сварить себе кофе в кабинете для преподавателей, куда всегда приходил первым. Нет, кофеварки там не было, но учитель давно научился заваривать кофе кипятильником в обычной керамической чашке. Покупал в основном или российский, молотый «Черная карта», или финский «Президент»,

относительно не дорогой. В кофе никогда не добавлял сахар.

Едва Игорь Ярославович допил дежурный свой, утренний, горячий напиток, как зазвонила мобилка. Секретарь сообщила о желании директора колледжа пообщаться с Супруновым. Преподаватель удивился, что начальство заинтересовалось его персоной в такую рань.

Директор, очень крупный, властный и волевой шестидесятилетний обладатель живописных, густых усов восседал в черном кожаном кресле за письменным столом. В большом но уютном кабинете, устланом пушистым до неестественности светло-серым ковром, несмотря на соответствующие атрибуты и солидный вид Кабардина Владимира Андреевича, руководителя Супрунова, подавляющей подчиненных атмосферы не ощущалось.

– Игорь Ярославович, повод для нашей беседы не очень приятный. Но что поделать, раз так вышло. Ваша коллега, на чьем месте вы сейчас работаете, планирует с понедельника выйти из декретного отпуска.

Супрунов соображал быстро, да и что тут было соображать. Ему предстояло искать другую работу. По большому счету не сильно расстроила учителя такая утренняя новость. Ведь чувствовал он, что не вписывается со своими педагогическими чаяниями в систему профессиональной подготовки специалистов для экономики сельского хозяйства. Не его это. Привык же работать с детьми, а не со студентами.

После разговора с директором Игорь Ярославович направился прямо в небольшую аудиторию, где его уже ожидали студенты. Их, правда, оказалось мало. Меньше половины группы.

– А где же остальные? – удивился преподаватель.

С задних парт послышались не выразительные смешки и чей-то комментарий:

– Да на Майдане они. Деньги зарабатывают.

«И действительно,» - подумал Супрунов, - " а что же это я сам не догадался?».

Ведь только вчера Игорь спорил с Павлом Бухтием, давним своим другом, или теперь уже не другом после давешнего телефонного разговора.

Доказывал ему, что по рассказам бывших своих учеников, частенько встречаемых, многие отмечались на Майдане, только чтобы получить деньги. Рассказал он тогда Павлу и о своем понимании слова «наемник».

Речь вел не о солдатах, согласных служить в любой армии мира, лишь бы деньги платили. То есть не о воинах-наемниках, умеющих убивать, но считать которых уголовниками не при-

нято, потому что они, в отличие от преступников, носят военную форму, а значит готовы сражаться как-бы за идею, правда, за не «как-бы», а вполне реальные, хрустящие доллары или евро. Хотя, по большому счету, грань между киллерами, одевающимися в дорогих бутиках и их коллегами, что получили новенькие армейские камуфляжи на военных складах, весьма относительна.

Так вот Супрунов рассказал другу не о них. Говорил с ним искренне, долго и от души, иногда повышая голос в трубку:

– Слово «наемник» возникло в моей голове в один из холодных дней, недавно. Я зашел в уютную, по-домашнему теплую и по-хозяйски аккуратную библиотеку Ирпenea, желая посмотреть свою электронную почту. А мобилки с интернетом в кармане не имел. В читальном зале, за стеклянной перегородкой работники библиотеки давно установили несколько компьютеров, подключенных к интернету, иначе говоря, к всемирной паутине. Уж точно к паутине, затягивающе-цепкой. Несмотря на изначальную цель, -лишь посмотреть, не пришло ли ожидаемое мною письмо, сделав это, решил ознакомиться с прогнозом погоды и новостями, потом взглянуть на свою страничку в «одноклассниках», ну и так далее. Скользя по паутине я сначала, вообще, не обратил внимание на одиноко сидящего рядом со мной, в по-утреннему пустынному, компьютерно-библиотечном уголке, лысоватого мужчину лет сорока, в джинсах, свитере и коричневой куртке из кожзаменителя или, как когда-то говорил мой знакомый: «из натурального дермантина». Но внезапно у моего случайного соседа по компьютеру зазвонила мобилка. Вот тогда я и бросил на мужчину осуждающий взгляд. В таких же случаях принято сразу выходить в коридор, а не нарушать читательскую или компьютерную тишину. Но незнакомец не вышел. Впрочем, начал говорить по телефону он совсем негромко, стараясь, очевидно, никому не мешать, посмотрев при этом на меня извиняющимся взглядом. Я лишь пожал плечами, однако, отключить свой слух не мог, а потому слышал все, что говорил компьютерный сосед. И сейчас дословно, или почти дословно помню произносимые тогда им слова. Разговаривал мужчина, вероятно, со своим другом: «Да... конечно узнал, Вася... Так, ничего хорошего... Ну как почему? Жена давно потеряла работу, а нашу ж Киевскую фирму больше месяца назад закрыли, как Майдан начался. А Вика, ну, дочка моя. Ей десять уже. Помнишь?.. Да, так вот, она заболела... Серьезно ли? Сам не знаю. Две недели непонятные симптомы. Температура высокая, головная боль, рвота. Потом все проходит, а через несколько часов начинается опять. Тут, в Ирпене, никто из врачей толком сказать ничего не может... Да брали анализы... И кровь тоже, но ничего не ясно... Конечно, надо в Киев, но ты понимаешь, нужны деньги... Да пробовал на Майдан, раз две сотни заработал, а второй раз «кинули», не заплатили обещанное... Да мне все-равно, пошел бы и на антимайдан... Ну да, за Януковича... А какая разница, лишь бы рассчитывались честно... Да, если у тебя действительно будет возможность, ты узнай, но только чтобы это не кидалово было. Надо же где-то деньги брать для Вики... Нет, точно, абсолютно все-равно на майдан или антимайдан... Да... Договорились, позвонишь... Ну давай, пока...» Окончив разговор, мужчина посидел за компьютером еще несколько минут, а затем закрыл все «окна» и рассчитавшись с администратором, вышел из читального зала. Именно тогда из глубин подсознания моего и всплыло слово: «наемник», но в ушах еще стояло: "...Надо ж где-то деньги брать для Вики...", а потому сразу пришло и понимание того, что никак к мужчине, покинувшему только-что библиотеку, не подходит слово «наемник», уверенно вызывающее злые ассоциации. Ему ведь деньги необходимы были для доброго дела. А то, что на столичные «майдан» и «антимайдан» значительная часть митингующих выходила не безвозмездно, мне было известно и раньше.»

Бухтий, выслушав обстоятельный рассказ друга, только хмыкнул в трубку, не прокомментировав услышанное.

Как не прокомментировал Павел и сюжет из жизни, которым три года назад поделился с ним, тогда еще друг, Игорь Супрунов, только вернувшийся из детского санатория, располо-

женного в Карпатах, где он работал с группой Ворзельских учеников. В то время, до Майдана их вывозили на оздоровление бесплатно, как пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Учитель рассказал, что гуляя с детьми по укрытой осенней листвой лесо-парковой полосе, протянувшейся от корпусов детской здравницы, поведал детям

историю времен Великой Отечественной войны, о летчике Мересьеве, научившемся управлять истребителем с ампутированными ногами. А окончив рассказ, сделал вывод, что любая война страшна, потому что не только ломает людские судьбы но у многих забирает жизнь. Комментарий шестиклассника Саши, коротко подстриженного и умного, как казалось учителю мальчика, шагающего рядом с Супруновым, поразил цинизмом. Школьник, внимательно слушающий учителя, спокойно, или даже мимоходом как-то, бросил фразу: «Так, а что же страшного в том, что люди гибнут на войне. Люди ж рождаются потом». Супрунов просто опешил и уже язык его повернулся, чтобы ответить ученику: «А если ты погибнешь на войне, а потом другие люди родятся, тебе легче будет?», но все-же одернул себя, не стал так отвечать Саше.

Но преподавателя крайне поразил факт, что такая дикая мысль, в принципе, могла возникнуть в голове его ученика.

После отработанных в колледже часов Игорь Ярославович направился к домашним своим ученикам, размышляя по дороге о том, что неплохо бы уехать в Днепропетровск, к другу. Хоть на пару недель. И могилу матери проведать, и побродить по улицам родного города. Очень хотелось уехать из Майданно-Киевского региона, вдохнуть свежий воздух Юго-Востока. И вечером, уже отзанимавшись с семиклассницей Ирой и девятиклассником Антоном, Супрунов принял решение, что получив расчетные в колледже, уедет на следующий же день в родной свой город, для начала на недельку, а там видно будет.

## Глава 2

В Днепропетровск Супрунов смог попасть только 19 февраля 2014 года.

Расчетные долго не выдавали. Да и выдали то сумму намного меньшую чем та, на которую Игорь надеялся. Несмотря на свою профессию, в бухгалтерских расчетах учитель математики разбирался слабо и почему-то никогда не старался в них вникать. А потому несколько недель Игорь Ярославович официально трудоустроен не был, а лишь занимался математикой с домашними учениками.

Поезд из Киева прибыл в родной город Супрунова в 5.20 утра. Как

родилось у Игоря решение искать работу по специальности в Днепропетровске? Кто знает. Но когда, выйдя из теплого вагона, по скользкому от примерзшего с утра, выпавшего еще минувшим вечером мокрого снега, учитель шел к скромному, по Киевским меркам, зданию вокзала, он знал, что приехав к другу, прямо с утра, начнёт обзванивать районные отделы образования в поисках школы, в которой мог бы преподавать до конца учебного года. Ведь на календаре было 19 февраля и до «последнего звонка» оставалось фактически всего чуть больше трех месяцев.

Несмотря на предрассветную настороженность Днепропетровска, встречающего Супрунова, как ему показалось, несколько недоверчиво, по случайно перехваченным взглядам полудремающих в зале ожидания пассажиров, неестественно громкому для раннего утра смеху вокзальной буфетчицы, неспешной размеренности прохаживающихся по привокзальной площади таксистов и даже по наивности кофейного автомата, в котором отсутствовала функция: «без сахара», в отличие от привычных Игорю столичных аппаратов, ощущалась величавая какая-то оторванность Днепропетровска от напряженно-болезненной суетливости Киева. И дело было даже не в том, что в главном украинском городе Супрунов чудом успел на поезд, метро ведь 18 февраля не работало, а скорее в отсутствии горячечной возбужденности в глазах земляков Игоря, так свойственной в те дни многим Киевлянам. Такая провинциальность родного города нравилась Супрунову больше столичного ритма.

В квартиру Андрея Малкова, своего друга еще со школьных времен, Игорь позвонил около семи утра. Конечно, когда поздоровались и обменялись дежурными, по-утреннему плоскими шутками, достал сразу же из спортивной своей сумки бутылку ужгородского коньяка, но пить не хотелось, да и Андрей объяснил, что ночью ему позвонил напарник, которого он должен был сменить вечером и попросил сделать это в 9.00 из-за обострения своей язвы. Ира, жена друга Супрунова, вторая жена, уже убежала на работу. Ей приходилось мотаться в течение дня по всему городу. Занималась уборкой в квартирах достаточно обеспеченных людей, позволяющих себе нанимать домработницу. Сам же Андрей, будучи на пять лет младше Игоря, окончивший в свое время горный институт, учившийся потом в аспирантуре и проработавший в том же ВУЗе семь лет преподавателем, но так и не защитивший диссертацию, решил, что больший доход будет иметь, занявшись ремонтом автомобилей и перепродажей БУшных запчастей к ним. Так и стал заниматься бизнесом. А еще подрабатывал консьержем в подъезде высотки, расположенной прямо напротив его старинного, еще дореволюционной постройки трехэтажного дома. Пятикомнатная квартира в этом доме принадлежала Андрею, кстати, в

отличие от друга, обладателю густой, каштановой шевелюры на голове, и семидесятилетней его маме, сухощавой и очень живенькой Екатерине Евгеньевне, которая хорошо знала маму Супрунова, тоже Екатерину, только Екатерину Степановну, умершую 22 года назад. Несмотря на свой возраст Екатерина Евгеньевна старалась поддерживать себя в тонусе, ведь приходилось еще работать заведующей лабораторией в химико-технологическом институте, имея звание кандидата наук. И тем утром Екатерина Евгеньевна, худощавая и в меру ярко крашенная

брюнетка, услышав шум в прихожей и увидев Супрунова, широко и открыто ему улыбнувшись, раскинув руки для объятий, сразу заговорила не терпящим возражений тоном:

– Игорь! Хорошо, что приехал. Нечего там под Киевом сейчас делать. Что-то непонятное творится. Заходи, будем кофе пить. Потом я сразу убегаю на работу, Андрей тоже, а ты отдыхай. Ключи от квартиры тебе оставлю.

Безусловно, Супрунов понимал, что попал не домой. Да и имел ли он дом вообще. Можно ли домашним очагом считать служебную, однокомнатную квартиру на четвертом этаже? И что такое дом в принципе? Говорят, что это место где тебе хорошо. Да, сорокасеми-летнего учителя уже давно мало кто называл по имени, а в квартире Андрея он как бы нырял в свое прошлое, в детство, юность, в иллюзию домашности.

Привезенные из столицы сладости Супрунов достал из сумки и выложил их на стол к кофе. Выпили по две чашечки ароматного напитка, наполнившего комнату африканским эхом робусты и арабики. Когда все разбежались по работам, Супрунов остался один и включил телевизор, чего не делал более десяти лет. Не любил он телевидение но интернета под рукой не было, а накаленная и непредсказуемая атмосфера Киева в день его отъезда из столицы предопределила желание узнать последние новости.

Найдя возле домашнего телефонного аппарата справочник Днепропетровских организаций и предприятий, Игорь достал из кармана свой блокнот и устроился на кресле перед телевизором, отмечая боковым зрением мелькающие кадры. Он решил начать обзванивать районные отделы образования, чтобы попытаться найти вакантное место учителя математики, физики или информатики в какой-либо из школ города. Взял было телефонную трубку в руку но слишком уж взволнованными показались голоса в телевизоре и Супрунов сделал звук громче. Молодая журналистка с очень растерянным лицом сообщила, что уже пятого человека с тяжелым ранением увозит с Майдана» скорая

помощь». Речь шла о протестующих. Супрунов переключил канал и увидел Беркутовца, показывающего телеоператору свой щит с пулевыми отверстиями. Кто-то стрелял и по Майдановцам, и по Беркутовцам. Где-то Игорь слышал или читал маленькую притчу-вопрос, отложившуюся в памяти, а вот теперь она всплыла. Притча такая: если Вы хотите остановить медведя, то будете его изредка колоть острой палкой или достанете ружье? Было ясно, что Майдан могут разогнать не снайперы, поражающие представителей противоборствующих сторон, а несколько мощных водометов или даже бронетехника, как когда-то в Китае. А одиночные пули способны только разъярить толпу. Но, повидимому, именно на это и рассчитывали организаторы февральского расстрела. Супрунов смотрел телевизор несколько минут. Достаточно для того, чтобы сделать вывод: 19 февраля 2014 года чаша

весов качнулась в сторону «Майдановцев».

Но для Игоря жизнь продолжалась, а потому он выключил телевизор, поработал еще с телефонным справочником, а затем упрямо стал обзванивать по очереди районные отделы образования, начав с того, который обслуживал территорию, где находилась квартира Малкова, то есть с Жовтневого района. Понимал же, что по крайней мере некоторое время придется пожить у друга, а в перспективе искать комнату, которую Супрунов мог бы оплачивать.

Для Игоря давно главным смыслом жизни стала работа и смысл этот он выразил когда-то сам, отправив свое собственное стихотворение на литературный конкурс:

Учителю  
Придавлены планами и суетой,  
Интригами «добрых» коллег по работе,  
С карманом, который нередко пустой,  
Вы в голову это давно не берете.

А в класс заходя оставляете все

В притихших, пока, на урок, коридорах.  
И грусть со звонком непременно уйдёт,  
Расставя в наивно-внимательных взорах.

Их сила и держит судьбу на плаву,  
Совсем не оставив нечестности места,  
Лишь школьников взгляды теперь наяву  
И Вы «на коне» если им интересно.

Вот так и парят обученья года  
Над толстыми стопками жизни тетрадей,  
Никак не рифмуется слово «беда»  
С улыбками детскими, лучшей наградой.

Место в школе нашлось быстро. Правда, в другом конце города, на жилмассиве «Западный», куда, однако, ходил трамвай, останавливающийся неподалеку от жилища Андрея. В школе как раз ушла в декрет

учительница математики. Договорились с директором встретиться утром следующего дня и Супрунов положил трубку подумав: «везет мне на декретчиц. Ну почему в последнее время попадаю на временную работу именно на место ушедших в декретный отпуск?»

Опять захотелось кофе. Привык к нему Игорь, а приучила к ароматному напитку как раз Екатерина Евгеньевна, мама Малкова, много лет назад рассказавшая о разновидностях и способах приготовления бодрящего напитка.

Сварив себе до необычности крепкий кофе, любил же именно такой, учитель опять включил телевизор. Там снова репортажи о раненых и убитых с обеих сторон противостояния чередовались с призывами руководства Министерства внутренних дел к протестующим прекратить стрелять по Беркутовцам боевыми патронами. Почти год назад Супрунову случайно в руки попала книга Николая Старикова, названия которой он уже и не помнил. Одна из ее глав называлась: " Роль снайперов в истории» и в ней приводились исторические примеры, географически охватывавшие различные регионы планеты от Латинской Америки до Российской империи, использования действий скрытых стрелков для разжигания ненависти толпы, готовой потом смести все на своем пути.

«Неужели все это повторяется и в Киеве? Невероятно!», – подумал Игорь, вслушиваясь в сирены «скорых», увозивших раненых с Майдана, врывающиеся в комнату из телевизионных динамиков. Смотреть репортажи далее учитель смысла не видел, понимая, что Майдан, а точнее его организаторы, решали вопрос власти, вслепую используя человеческую наивность и надежду на лучшую жизнь. По крайней мере все происходящее в Киеве учитель представлял себе именно так.

Вечером, когда со своих работ вернулись и Екатерина Евгеньевна, и Андрей, и жена его Ирина все собрались за одним столом на вечернее чаепитие.

– Игорь, идем чай пить! – позвала Екатерина Евгеньевна Супрунова, – ты включал сегодня телевизор? А то на работе что-то говорили о беспорядках в Киеве, но я ничего не поняла. Там, по-моему, все время беспорядки.

– Включал, – вздохнув ответил Игорь и рассказал о стрельбе на Майдане.

Мама Андрея, он сам и Ирина слушали внимательно. Все они днем телевизор не смотрели, занимались же работой. Рассказчика никто не перебивал, а когда он закончил, несколько мгновений все молчали. Потом Екатерина Евгеньевна первой нарушила тишину:

– И что теперь?

Вопрос повис в воздухе. Никто не знал, что теперь. Однако Игорь, имевший время основательно подумать в течение дня над столичными событиями, не громко произнес роковое слово:

– Война.

– Война? – по-детски удивленно переспросила Ира. Она, несмотря на свои сорок девять лет и напоминала чем-то девочку. Даже не худошавостью своей и манерой одеваться в полуспортивном, по-молодежному стиле, а скорее наивной, может, до некоторой степени, наигранно-наивной непосредственностью.

– Наверное Игорь прав, – медленно проговорила мама Андрея.

Позже все вместе посмотрели «Новости». Стало ясно, что в стране воцарилось безвластие. Где находится Президент Янукович для украинцев оставалось тайной как и то, кто успел или успеет встать ближе всех к штурвалу государства и куда этот штурвал может повернуться в ближайшее время. Надвигалось нечто гнетущее. Удивительным образом Супрунов предвидел грядущую гражданскую войну, замешанную на политических выгодах Запада и Востока, олигархических бизнес-интересах и авантюризме отдельных личностей, на которых всегда была щедра история человечества.

## Глава 3

Утром 20 февраля, в старом, дребезжащем и угрожающе стучащем на поворотах вагоне трамвая номер 5 Супрунов доехал до конечной остановки, на жилой массив «Западный», самый рабочий район Днепропетровска. Чудом передвигающийся трамвай, казалось выехал прямо из детства Игоря и проскочив мимоходом через тридцать с лишком лет 20 февраля 2014 года довез таки Супрунова к месту назначения.

На «Западном» «хрущевки» перемежались с бедными, частными домиками и все эти жилища почти вплотную прижимались к металлургическому заводу с одной стороны, а с другой к лакокрасочному. Эти крупные предприятия давали раньше работу людям. Касательно последнего стоит отметить, что при Союзе он являлся процветающим заводом по производству лакокрасочных изделий, да и потом, уже в независимой (можно ли ни от кого не зависеть?) Украине несколько лет успешно работал. Но время шло. Хозяин, сумевший стать владельцем предприятия в сумбурно-приватизационный период, умер. Началась дележка завода, в результате которой процветание на производстве закончилось. По «Западному» ходили слухи, что кто-то из родственников бывшего владельца проигрался в казино и его вынудили часть завода отдать за долги, но толком мало кто знал правда это или нет.

Супрунов в школьные и университетские свои годы жил неподалеку от Малкова, в совсем другом районе города и о жилмассиве «Западный» имел весьма смутное представление. Но странно, когда он вышел на конечной остановке из старенького трамвая, какие-то смутно неуловимые воспоминания шевельнулись то ли в глубинах его подсознания, то ли в душе. Нет, это не из-за известного Игорю факта, что отец его, который имел другую семью, много лет назад жил где-то на «Западном». Не в том было дело. Плиты. Бетонные плиты, много плит, создающие иллюзию широченной лестницы всего в две ступеньки.

«Точно. Конечно. Как же я мог забыть?», - подумал Супрунов, - «плиты, те же квадратные, бетонные плиты, ведь еще тогда, много лет назад обратил внимание на несуразность этих плит, выложенных в виде до неестественности широких и до неудобства высоких ступенек!»

Когда тогда? А в январе 1992 года. В ту морозную зиму мама Супрунова, вырастившая сына одна, всю жизнь проработавшая в школе учительницей младших классов, попала в четвертую больницу, расположенную как раз на «Западном». Сумела в те дни она обмануть сына, который только незадолго до того окончил университет и преподавал математику под Киевом. Екатерина Степановна назвала Игорю, прилетевшему тогда из Киева самолетом, билеты же стоили дешево, какой-то несуразный диагноз, с которым скорая ее доставила в «четверку», а в действительности у мамы Игоря был рак прямой кишки. Но не хотела она раньше времени рассказывать родному человеку о своей беде. Умерла Екатерина Степановна летом того же года. Только за месяц до смерти, сыну ее стал известен настоящий диагноз матери. Игорь случайно увидел ее историю болезни, выпавшую из сумки Екатерины Степановны, но мама и за несколько недель до смерти пыталась убедить сына, что у нее какая-то легкая форма опухоли.

Хоть прошло больше двадцати лет, но теперь Игорь совершенно отчетливо вспомнил и конечную остановку трамвая номер 5 в 1992 году, и тогдашние поиски больницы, короткая дорога к которой вела через небольшую посадку.

«Зима была и в то время, и сейчас. Ну что ж. Придется опять знакомиться с «Западным», – вздохнув подумал Супрунов.

Как и когда-то больницу, школу Игорь нашел не сразу. Она располагалась в десяти минутах ходьбы от конечной остановки трамвая. В тихой и кажущейся уютной части жилмассива. Директор, пятидесятипятiletний, подтянутый мужчина в слишком уж классическом для руко-

водителя простого, образовательного учреждения, сером костюме и белой рубашке с коричневым галстуком, то есть в одежде еще стиля советских времен, Михаил

Михайлович, показался Супрунову сначала добродушным. Это уже проработав пару месяцев в школе, Игорь Ярославович, познакомившись со средним учебным заведением ближе, понял, что ее руководителем является властолюбивый человек, имеющий кредо: "как бы чего не вышло", давно и напрочь забывший о смысле таких слов и фраз как: принципиальность, собственная позиция, умение принимать нетривиальные решения, элементарная порядочность. Супрунову и раньше не раз приходилось встречать таких людей и они всегда вызвали жалость. А в процессе работы Игорь Ярославович понял еще и то, что всю реальную, а не показушную работу, делала завуч. Умела она не явно но реально руководить директором в самых важных вопросах жизнедеятельности школы, а именно распределением часов по

предметам, то есть педагогической нагрузки среди учителей, и классного руководства. Поняв это, преподаватель математики перестал всерьез воспринимать главного педагога школы, осознавая, что основные решения не по ремонту крыши, а по учебной деятельности, принимает не формальный руководитель, а завуч.

Сама же школа оказалась удивительной. Непритязательное, совсем простенькое на вид здание, построенное в пятидесятых годах минувшего столетия, хранило внутри себя и загадки, и интриги, и взлеты мыслей человеческих. Больше всего поражала в школе контрастность. Например, из двух девятых классов, в которых Игорь преподавал математику, в одном большинство учеников не знали табличку умножения и не умели решать примитивные, уровня четвертого класса уравнения. А в параллельном, специализированном, математическом классе некоторые школьники успевали выстроить ход решения задачи раньше учителя, но рядом с ними, в одном классе сидели и те, кто в лучшем случае списывал все с доски, абсолютно не понимая о чем идет речь на уроке, каким-то образом, все же, оказавшись в математическом классе.

Супрунов начал преподавать в Днепропетровской школе, а Украина в это время раскалывалась. Появлялись не только новые границы как трещины на

ее теле но и разломы в душах человеческих. Распадались семьи, брат шел против брата, отец против сына, муж против жены.

Директор школы пытался запретить в коллективе разговоры на политические темы но тщетно. На переменах учительская превращалась в дискуссионный клуб, хорошо еще, что хоть не в поле битвы.

Напряжение нарастало с каждым днем, но Супрунов старался не вникать в политику и от споров в учительской воздерживался. Он погрузился в работу. Дети сначала смотрели на него настороженно и внимательно но опыт двух десятилетий не только преподавательской работы в школах но и изменения своей профессии учителя на воспитателя в приморских детских здравницах, где Супрунов работал каждое лето, научили педагога находить общий язык с учениками. Хотя, безусловно, случалось всякое.

Казалось бы, абсолютно не похожи друг на друга ядерная физика и религия. Что может быть между ними общего? Очень многое, по большому счету, если способностях задуматься. Ведь они пытаются приблизить к пониманию людей невидимое. Скажем, тайну устройства атомных ядер и сути стремлений души человеческой. Удивительно, но по воле Божьей и Православие, и ядерная физика иногда используют один и тот же термин: «Прелесть». Скажем, в физике это одна из характеристик элементарных частиц. Но существует и более широкое понимание этого слова. Несмотря на педагогический опыт, в определенный момент Супрунов все же усомнился в своих. Едва начав преподавать математику кроме девятого еще и в шестом классе, на первом же уроке обратил внимание на мальчика, устроившегося за передней партой, но вызывающего иллюзию, что занимал он значительно большую часть пространства кабинета, чем только одно учебное место. Не выше своих одноклассников ростом, с коротко подстри-

женными, неопределенно-темного цвета волосами и с достаточно, чтобы несколько походить на колобка, плотным лицом. Пухлые же губы ученика лишь подчеркивали такое сходство. Мальчик имел имя Данил, а проще-Даня. Он перед началом урока успевал одновременно поговорить с соседом по парте, или, точнее поперекрикиваться с ним, дернуть за лацкан пиджачка проходящую мимо одноклассницу, свалить, может и случайно, небрежно повернувшись, на пол пенал тихо сидящего за ним мальчика. Все это сопровождалось недобрым блеском Даниных глаз, смехом, переходящим в громкий и не кажущийся здоровым хохот. Какая-то не добрая аура ошетилилась вокруг Дани. Уже позже Игорю Ярославовичу стало известно, что и дня в школе не проходило без злых выходок шестиклассника. Большинство учителей повлиять на поведение баламута не могли, директор школы тоже. Но будучи бессильным под брызгами зла от нерадивого ученика, руководитель не желал выносить сор из избы и попытаться получить помощь например, у инспектора по делам несовершеннолетних. А ведь забавы школьника не ограничивались баловством в учебном кабинете, а временами переросли в третирование более слабых, физически или психологически, детей. Отец одной обиженной мальчиком девочки даже вынужден был встретить школьника на улице, после уроков, и пригрозить ему. Так папа защищал свою дочку. «А что же с ним делать мне?», – подумал Супрунов о Дане на первом же уроке, – «ведь спокойно заниматься математикой он классу возможности не даст». Пришлось отсадить от нарушителя дисциплины не только соседа по парте, достаточно спокойного Даниного одноклассника, но и учеников, сидящих позади баламута. Благо в кабинете имелась такая возможность. И, таким образом, рождалось убеждение, что удалось воздвигнуть волнорез, способный противостоять попыткам Дани вызвать шторм в классе. Но не тут то было. После происшедших пересаживаний шестиклассник озадаченно и несколько растерянно начал осматриваться, и не обнаружив поблизости учеников, могущих стать объектом его пакостничества, он сначала разочарованно притих. Но все-же, через некоторое время, на уроках пытался дотянуться и к отдаленным от него школьникам, но Игорь Ярославович старался пресекать эти попытки. В общем, не сложились вовсе добрые отношения у учителя с Даней. Вместе с тем, школьник с некоторой опаской относился к новому преподавателю и на уроках математики вел себя терпимо, лишь иногда теряя контроль над собой. Тогда он мог, например, в середине урока зло и громко рассмеяться, пока другие дети что-то старательно записывали в тетрадках. Или, опоздав на урок и зайдя в класс через несколько минут после звонка, получал удовольствие от пинания чьего-то портфеля, стоящего на полу, по дороге к его парте. Задатки лидера, безусловно, у Дани имелись. Плохого лидера. А поскольку доброго, в противовес ему, в классе не нашлось, то одноклассники лишь настороженно поглядывали на выходки неуправляемого мальчика. А Даня, замороженный вниманием класса, пытался позволить себе все более изощренные пакости, игнорируя замечания безвольного директора и сорокалетней своей классной руководительницы, женщины, придавленной жизненными заботами о наполняемости домашнего холодильника и сведении концов с концами. Она лишь пыталась мирно уладить каждый конфликт, не желая решать вопрос принципиально.

И вот однажды, в самом начале урока Супрунову стало ясно, что Данина сущность в тот день особенно реагировала то ли на возмущение магнитного поля Земли, то ли просто баловник до двух часов ночи играл в не усиливающие интеллект игры на домашнем компьютере и болезненный азарт переключал вместе с ним из «Контр-страйка» прямо в кабинет математики. Так или иначе, но неестественно-громкий и беспричинный смех Дани, помноженный на его способность одновременно «доставать» нескольких одноклассников, не могла не обратить на себя внимание. В ход шли и привычное для обнаглевшего шестиклассника сбрасывание на пол книжек и тетрадей учеников, и толкание более слабых мальчиков и девочек, перемежаемые словами из нецензурной лексики. При этом, возможно, испытывая терпение учителя, Даня, одетый в почему-то постоянно топорщившийся на нем черный пиджак и джинсы, поглядывал периодически на преподавателя исподлобья.

«Прелесть», – теперь уместно вспомнить значение, придаваемое этому слову в Православии. В переводе на общечеловеческий язык означает оно излишнюю самоуверенность, затмевающую реальность. Например, когда человек регулярно посещающий Церковь, старательно придерживающийся постов, позволяет себе возомнить, что он безгрешен. А это опасно, поскольку он уже перестает после этого замечать зло, которое вольно или невольно творит порой.

Уже позже, когда Игорь Ярославович обдумывал происшедшее, ему казалось, что в таком смысле, может и он впал в нелицеприятное состояние, называемое «прелестью», правда, не в религиозном смысле, а в педагогическом. Во всяком случае его многолетний учительский опыт никак не помог успокоить, явно начинающего перегибать палку шестиклассника. Выгонять же из класса учеников нельзя, мало ли что с ними может случиться за пределами учебного кабинета во время урока. Однако, Супрунов все же попросил Данила выйти, но учителю пришлось последовать за ним, чтобы отвести нарушителя дисциплины к директору школы. Не мог он тогда стоять у доски в присутствии обнаглевшего баловника. Физически не мог. Значит, в какой-то мере, вынужден был признаться себе в собственной педагогической беспомощности. А ведь будучи директором школы когда-то сам учил молодых преподавателей, что необходимо искать решения, возникающих при общении с учениками проблем, в классе, а не на стороне. Но пришло время и сам споткнулся. Именно такие мысли мелькнули в голове преподавателя математики, когда он с Даней вышел из класса и они вдвоем направились в сторону кабинета руководителя детского учреждения по растерянному затихшему на время урока, извилистому, школьному коридору. Задумавшись на несколько мгновений, Игорь Ярославович и не понял сразу, что виновник происходящего, шагающий сзади, тихо обратился к нему.

– Что? – переспросил Супрунов у Дани, издававшего у себя под носом невразумительные звуки. Переспросил, остановившись и обернувшись к своему вынужденному спутнику лицом. И мальчик ответил, негромко но четко произнеся зловещую фразу :

– Хочу, чтобы вас сбила машина.

При этом Даня с ненавистью, внимательно смотрел в глаза учителю. Тот сразу почему-то искренне и громко рассмеялся. Возможно, так проявила себя защитная реакция преподавателя на неожиданные слова мальчика, то есть на учительскую неудачу Супрунова. Или смех тот стал подсознательной попыткой разрядить идущую, как-то слишком уж в разнос, напряженность между учителем и учеником. Они продолжили движение и через несколько секунд, когда уже подходили к кабинету директора, Супрунов вздохнув, спокойно и серьезно сказал :

– Даня! Знаешь, а я тебе зла не желаю. Ну а машина, что ж поделать, может сбить кого угодно. На все воля Божья!

Нарушитель дисциплины никак не прокомментировал прозвучавшее утверждение.

Кабинет первого лица школы оказался закрытым, но из ближайших к нему дверей вышла как раз классная руководительница Данила и Игорь Ярославович с облегчением передал шестиклассника на ее попечение, объяснив ситуацию, а затем вернулся в математический кабинет и продолжил урок. Не врезалась бы ему в память, наверное, эта банальная, в общем-то, в педагогической практике история, если бы через день он не встретил случайно на улице Даню и его маму. Они шли с большими полиэтиленовыми кулками, заполненными продуктами, повидимому возвращаясь из супермаркета домой. У мальчика была забинтована голова и пластырем полностью заклеен левый глаз. На следующий день Даня в школу не пришел. Выяснилось, что мальчик получил сотрясение мозга и повреждение глаза в результате травмы головы. Не исключалась возможность операции. Баловник, гуляя на улице, неудачно упал при попытке зачем-то залезть на частично разобранный пожарную лестницу, расположенную в торце пятиэтажки, в которой мальчик жил. Сложно объяснить почему, но сразу же как только Супрунов увидел широкие, белые бинты на голове мальчика, он вспомнил его недавнее, недоброе поже-

вание учителю касательно машины. Естественно, у педагога не возникла даже мысль о злорадстве. Наоборот, ему стало жаль шестиклассника. Их взгляды тогда на миг встретились, но Даня опустил голову. Удовлетворение Игорь Ярославович испытал лишь от того, что вспомнил, как вернувшись на урок в день конфликта с Даней, когда уже сдал

его на попечение классному руководителю и снова стоял у доски, рассказал детям о злом пожелании Дани, связанного с автомобилем.

– Ничего ж себе! – испуганно произнесла тогда Настенька, – хрупкая, рыжеволосая девочка, сидящая за первой партой, – вот это пожелание!

Учитель же только улыбнулся в те секунды и продолжил :

– Но, Слава Богу, я Дане зла никогда не желал и теперь тоже не желаю.

И слова эти были совершенно искренними.

«Что ж, воистину на все воля Божья», – возникла у Супрунова мысль после встречи с травмированным мальчиком. Но подумав так, он решил, что переоценив себя, и учитель может впасть в состояние «прелести», паря в своих иллюзиях над реальной жизнью, а столкнувшись иногда с грубыми ее проявлениями, ощутить всю глубину своего педагогического бессилия.

Всякое, безусловно, случалось в школе. Идеальных учеников Супрунову встречать не приходилось как, впрочем, и идеальных учителей. И себя, естественно, Игорь Ярославович не считал безгрешным. Но жизнь шла и в школе 91 новый учитель прижился быстро.

## Глава 4

В том, 2014-м году, днями предшествующими майскому Празднику Победы не витало в стенах школы приподнятое настроение. Ведь приближалось 9 мая, а на Юго-Востоке страны в это время полным ходом шла гражданская война. По крайней мере и американские, и английские газеты называли боевые действия именно так (civil war), избегая термина: "антитеррорестическая операция». Одну сторону конфликта поддерживала Россия, а другую США и Западные государства. Впрочем, в Днепропетровске на улицах не стреляли. Хотя к обстановке очень уж подходили слова из известной песни: «...Над страной тучи ходят хмуро...».

Так вышло, что отец Супрунова не растил сына, не занимался его воспитанием, имея другую семью. Но раз в месяц он проводывал мальчика и оставлял маме тридцать советских рублей, стараясь всегда положить их под телефонную книгу, что лежала на полочке, в коридоре, прямо возле телефонного аппарата. Игорь мало что знал о папином детстве и годах молодости. Не любил он о себе рассказывать. Стало Супрунову, правда, известно, что родной дед по отцу немец, а бабушка русская. А вот родители мамы Игоря были украинцами. Так что национальность это понятие весьма относительное. Значительно важнее кем человек себя ощущает, а не кем родился. Абсолютным же есть только Вероисповедание, если, конечно, к нему приходишь через сердце. На все воля Божья. Супрунов давно, хоть и не регулярно, начал ходить в Церковь, Православную, только Московского Патриархата. Он считал, что если Церковь это Тело Христово, то Тел же не может быть два, три или больше, а значит Правильна только Каноническая Церковь, в которую раскольники не входят, а вот как раз Украинская Православная Церковь Московского Патриархата входит, то есть является неотъемлемой частью Канонической Православной Церкви. Нежданно, негадано начав преподавать в Днепропетровской школе, существенной разницы между детьми этого по-скромному изысканного и где-то даже по-особенному внутренне-величавого города и их ровесниками из Киевской области, как впрочем, и между ними и российскими или беларусскими мальчиками и девочками, с которыми частенько Игорю Ярославовичу приходилось работать воспитателем летом, у моря, он не почувствовал. После нескольких недель преподавания учитель решил разузнать побольше об истории школы, в которую устроился, по большому счету, совершенно случайно. Где разузнать? В Интернете, естественно.

То, что случилось дальше, могло бы напоминать дешевые, мыльные телесериалы, если бы открывшееся учителю не было правдой, правдой удивительной и грустной.

Сидя после уроков в учительской за компьютером и знакомясь с историей школы, неожиданно на экране монитора Игорь увидел черно-белую фотографию одного из директоров этого учебного заведения. С нее на учителя смотрел его отец. Это казалось настолько невероятным, что вызвало ассоциации с машиной времени из фантастических фильмов, которыми Игорь увлекался в детстве. На какое-то мгновение, глядя на родное лицо, Супрунову захотелось почувствовать себя мальчиком, а не сорокасемилетним учителем с более чем двадцатилетним стажем преподавания, потерявшем в жизни и маму, и друзей, и даже уже нескольких учеников своих. На пару мгновений действительно показалось, что и не было убежавших двадцати лет. Однако же мир реальный нельзя растворить в иллюзии, это как у Владимира Высоцкого: «... Только в грезы нельзя насовсем убежать, краткий век у забав, -столько боли вокруг...»

Ясно, что оставив компьютер Игорь Ярославович начал спрашивать учителей об отце. Но тот же директорствовал еще в начале шестидесятых годов минувшего столетия, а потому лично с ним никто из новых коллег Супрунова не встречался, но выяснилось, что его дочь Светлана (получается, старшая сестра Игоря по отцу), которую раньше Игорю не приходилось видеть, сама руководила много лет назад этой же школой, а потом перешла на работу в районный отдел образования. Встретился учитель с ней через несколько дней и брата в нем она

признала. Очень милой и доброй оказалась, хоть и только по отцу, но все же, родная, сестра. А вот когда она пригласила Супрунова к себе домой в скромную, учительскую квартиру, то познакомила с мужем, угостила вкусным ужином и ароматным чаем, а потом только начала рассказывать об отце. Умер он в 1996 году. Супрунов этого не знал. И еще многого не знал о его жизни. Ведь после смерти мамы Игоря в 1992 году, они с отцом не виделись. Игорь тогда уже работал под Киевом. Конечно, Светлана показала брату могилу отца, а затем они с сестрой встретились уже после дня Победы, десятого мая. Именно тогда она и рассказала историю о молодых годах отца, поразительно проникновенную. Да нет, не так. Просто трагическую. После этого рассказа стало доминировать над возникшими, противоречивыми чувствами учителя одно, наиболее яркое, – возросшая мгновенно до бесконечности уже не логическая, а чувственная, личная ненависть к фашизму.

При чем здесь фашизм? Дело в том, что в 1941 году, перед войной отцу исполнилось восемнадцать лет. Его фотографии того возраста впервые Игорь увидел в альбоме только-только обретенной сестры своей. Упрямство, максимализм, уверенность и волю к сопротивлению жизненным невзгодам излучал взгляд молодого Ярослава. Вообще, принято считать, что евреи стараются вступать в брак со своими единоверцами, но дед же учителя был немцем, а бабушка русской, то есть у восемнадцатилетнего Ярослава не было еврейской крови. Вместе с тем, он женился на еврейской девушке, у них родилась дочь Алла, а через полгода после свадьбы война начала ломать судьбы человеческие как ледокол льдины, уверенно и упрямо. Отца Аллы призвали в армию и отправили в военное училище, в Казахстан. Там он получил звание младшего лейтенанта, но на фронт его не пустили. Фамилия то у Ярослава была немецкой. Не сильно доверяла Советская власть в военные годы людям с такой фамилией. А молодая жена Ярослава и ребенок остались в Днепрпетровске. Когда фашисты захватили город, в середине октября 1941 года их и еще несколько тысяч евреев согнали на пустырь и всех расстреляли. Всех: и мужчин, и женщин, и стариков, и детей.

Как только Супрунов узнал обо всем этом, ему стало стыдно. Стыдно, что до своих сорока семи он никогда даже не слышал о массовой казни евреев в Днепрпетровске, несмотря на то, что вырос в этом городе. Знал о Киевской трагедии Бабьего яра, а о Днепрпетровской нет.

Сестра показала брату и старенькую фотографию первой жены отца. Красивая, еврейская женщина с добрыми и, как показалось Супрунову, мудрыми глазами, была запечатлена на ней за несколько месяцев до своей смерти.

Игорь смотрел на тот далекий, но сохранивший черно-белую яркость снимок молодой, полной надежд женщины и внезапно вспомнил, как за два дня до праздника Победы 2014 года, на уроке в десятом классе, как, впрочем, и во всех других, где Супрунов преподавал, поздравил учеников с наступающим, светлым праздником Великой Победы над фашистской ордой, которую ни одна европейская страна остановить не смогла, а сделал это только Советский Союз. Причем не просто остановил, а уничтожил нечисть, подарив тем самым европейцам, да и не только им, возможность жить свободно.

Обычно школьники благодарили за поздравления, а вот высокий, темноволосый ученик десятого класса Антон вместо этого ответил :

– Да что там победа. Фашисты ж не сжигали деревни. Мне бабушка рассказывала.

Тут учитель просто опешил. Никогда за двадцать лет работы в школе слышать от учеников оправданий фашистов ему не приходилось.

О чем можно было бы рассказать неглупому Антону? О расстрелянных немцами больных детях, не эвакуированных вовремя из Евпатории? Об узниках, сожженных в концлагерях? О мыле из человеческого жира, изготовленном под дулами эсесовских автоматов? О голоде в блокадном Ленинграде и Дороге Жизни? О сожженной Хатыне? Лидице? Орадуре? О героизме защитников Брестской крепости или Севастополя?.. Антон искренне, открыто и честно посмотрел в глаза учителю, полностью уверенный в своей правоте, и продолжил :

– Мне правда, бабушка рассказывала. У них в селе немцы хорошие были, детей шоколадками угощали.

Не стал тогда Игорь Ярославович ничего доказывать Антону, а только коротко бросил :

– Конечно, фашисты уничтожали не все деревни, но это не оправдывает их зверства и дикость европейцев-захватчиков.

Потом он с классом занимался математикой и не возвращался к теме войны.

Но вот следующий урок Супрунов проводил в 9-Б классе. Аня, обычно

тихая, чуть полноватая девочка, в аккуратной школьной форме, сидевшая за первой партой вдруг подняла правую руку, с зажатыми в ней Георгиевскими ленточками, через несколько секунд после того как прозвенел звонок, и обратилась к учителю:

– А можно я на десять минут выйду?

– Тебе плохо? – удивился Супрунов.

– Да нет. Я хочу ленточки развесить на дверных ручках классных кабинетов. Ведь Георгиевская лента это же символ Победы?

– Конечно, символ Победы, – ответил Игорь Ярославович и задумавшись на мгновение, уверенно продолжил, – хорошо, Аня. Иди, развешивай ленточки.

Девочка вернулась в класс минут через пятнадцать. А Супрунов на перемене прошел по школьным этажам. Ему стало интересно, висят ли Георгиевские ленточки. Оказалось, что нет. Уже позже выяснилось, что директор школы снял их. Михаил Михайлович, заметив случайно, что делает девочка, подождал, пока девятиклассница вернется в класс, а затем быстро прошелся по школе и снял все ленточки. Это видели технички. Многие директора школ мгновенно приспособляются к требованиям новой власти. Игорь Ярославович совершенно не сомневался, что если бы Михаилу Михайловичу во властных структурах объяснили, что желто-голубой цвет флага, это плохо, то директор, не задумываясь, поснимал бы в школе все символы украинской государственности.

А вот когда 9 мая Супрунов пришел к памятнику Славы, чтобы почтить память погибших воинов, лицо Антона всплыло перед глазами учителя, а на его фоне он увидел много Днепропетровских школьников с Георгиевскими ленточками на кофточках и пиджачках, держащих в руках портреты своих дедов и прадедов, не вернувшихся с войны. И они, эти ученики из разных школ, пришедшие к памятнику погибшим воинам, – «Слава Богу» – подумалось учителю, были настоящими, живыми, а не видением. Именно тогда и вспомнились Игорю Ярославовичу слова из песни Александра Городницкого: «... Бой продолжается снова за юные души, самый последний и самый решительный бой».

## Глава 5

Супрунов, по воле Божьей, практически не болел. Нет, конечно, насморк у него случался, а иногда, очень редко, может быть раз в два-три года, и температура поднималась. Но в случае появления первых симптомов простуды учитель знал, что делать. Всегда помогали ему чеснок и крепкий сон. Много чеснока и много сна и тогда болезнь отступала. Но вот весной 2014 года довелось ему таки попасть в больницу. А ведь он с детства не любил медицину и все, что с ней связано. Но невесть откуда у него появилась пупочная грыжа. Обнаружил Игорь ее однажды утром, приняв душ. Грыжа никак не беспокоила но выглядела ужасно. Учителю стало понятно, что до начала лета надо что-то с ней делать. Требовалась операция. Ведь не желательно так появляться перед детьми, на пляже, выход на который являлся неотъемлемой частью профессии воспитателя в приморском лагере, где летом, как обычно, планировал работать учитель.

Вот так и попал педагог в больничную палату.

Соседом его оказался человек крайне противоположных взглядов на политическую составляющую жизни.

Нет, они не смотрели друг на друга через прорези прицелов винтовок. Не воевали, будучи по разные стороны баррикад, хотя в Украине шла гражданская война. Сорокасемилетний Супрунов Игорь Ярославович и пятидесятичетырехлетний Мальцев Николай Петрович, не знавшие

друг друга ранее, оказались, по воле случая, в одной больничной палате хирургического отделения. Конечно, если бы не обострились их болезни как раз к началу антитеррористической операции, а попросту говоря, – побоища, в котором летом 2014 года, на Юго-Востоке Украины Славяне начали истреблять Славян. Могли бы, в принципе, Николай Петрович и Игорь Ярославович, по-разному видевшие политические события, оказаться участниками боевых действий. Но жизнь распорядилась иначе и теперь лежали они совсем рядом, на неубиваемых кроватях с металлическими сетками, переживших и распад Советского Союза, и подаривший пустую надежду помаранчевый украинский период, и уход Крыма в Россию. Теперь кровати мерно поскрипывали под весом грузных мужчин, которые оказались внешне очень похожими друг на друга, крупными и, вместе с тем, статными, лысеющими, пользующимися очками. А одеты были оба в домашние спортивные костюмы «Найк». Но вот профессии имели совершенно разные. Супрунов то работал учителем, а Мальцев главным бухгалтером в крупной коммерческой структуре, владеющей несколькими супермаркетами. Да и семьи Игорь Ярославович не имел в отличие от Николая Петровича.

Конечно, «тихий час», в детском понимании, в больнице не проходил, но по договоренности мужчины установили в палате сто двадцать минут послеобеденной тишины, подразумевающей табу на политические споры. Они дремали в это время или читали: учитель, роман Дмитрия Балашова «Святая Русь», а его сосед, «Унесённые ветром» Маргарет Митчел. Теперь, как раз, такой «тихий час» заканчивался. Июньское солнце мягким, а не по-стерильному ярким светом, высвечивало даже мелкие детали больничной палаты.

– Ну что, Николай Петрович, шахматы? – предложил Игорь Ярославович, дочитав очередную главу и положив свою книгу на тумбочку.

– Почему бы нет? Давайте, одну партейку.

Игроки быстро установили стул с доской между кроватями, бросили жребий и Николай Петрович, которому выпало играть белыми, сделал первый ход пешкой. Игорь Ярославович сразу же ответил. И началась спокойная поначалу игра, но уже через несколько ходов Мальцев потерял коня и пешку. Вместе с тем, он решил продолжить прерванную «тихим часом» дискуссию на тему событий, происходящих в Украине.

– Майдан, это революция чести. Народ сверг ненавистного ему правителя. Люди смогли подняться над меркантильной суетностью жизни и презреть мелочность, приобщившись к великому делу.

– А мелочность и меркантильность, в вашем понимании, это возможность зарабатывать деньги, чтобы содержать себя и свою семью? – уточнил Супрунов.

– При чем тут содержать? Ведь не хлебом единым жив человек. – Конечно. Но майданящие в центре Киева и кушали, и пили как все живые люди. И не за свои кровные.

– Да вся Украина сбросилась на Майдан. Народ помогал, кто чем мог.

– Особенно в первые дни, когда митингующим платили по пятьдесят гривен. А в последующие по сто, сто пятьдесят, двести и дошло до четырехсот. Это, наверное, потому что патриотизм в украинских гражданах дремал крепко и просыпался медленно. Майдан привел к войне, а значит Майдан это ошибка. Огромная и страшная ошибка.

Николай Петрович сразу не нашёлся, что ответить, растерянно взглянув на шумящий зелёной листвой тополь, который рос очень уж близко от медицинского корпуса и, казалось, влекомый ветром, хотел дотронуться до открытого окна, а Игорь Ярославович продолжил:

– Что это вы с такой издевкой говорите о любви к Родине?

– Ну, во-первых, моя Родина это Советский Союз, а не Украина. И ваша, насколько я понимаю, кстати тоже, во-вторых мне просто интересно, кто финансировал Майдан со дня его рождения. А ведь «вербовка» майданистов, сначала в Киеве и Киевской области, а потом и в других городах и выплата им денег работали четко. Видел это сам в Киеве, а друг мой рассказывал, что то же самое было и в Днепропетровске.

– Считаете, что все митингующие заполняли столичные площади только из-за денег?

– Нет. Не считаю. Встречал там студентов и школьников, прогуливающих занятия под прикрытием красивых слов, людей просто пришедших потусоваться, как говорят подростки, или послушать модных певцов на шару, поглазеть на мешки с песком в центре Киева, любопытных. Я ж, например, майданную колыбель переворота посещал пару раз только и то случайно. Вынужден был пересекать Майдан. И уверен, безусловно, находились украинцы, искренне верящие в то, что светлое будущее страны рождается на Крещатике, наивные романтики. Они на Майдане деньги не зарабатывали. – Нет. Все это случилось потому, что народ хочет жить в цивилизованной и богатой Европе.

– А кто его спросил, народ этот самый?

– В каком смысле?

– В прямом. Почему на Украине не провели референдум с одним простым вопросом: «Вы хотите, чтобы наша страна вступила в Таможенный Союз или в Евросоюз?»

– Ну, не все украинцы понимают правовые тонкости и мировые экономические тенденции, а также европейские преимущества.

– Значит, вы утверждаете, что большинство населения может проголосовать не правильно?

– Да. Народ надо готовить к Европе, – менторским тоном ответил Мальцев.

– По-вашему выходит, что даже если большинство граждан не хочет, чтобы страна вступала в НАТО и в Евросоюз, то их надо силой тянуть туда?

– Истинные патриоты выступают за Европу, а если некоторые обыватели не понимают, что государство наше должно стремиться к цивилизации, открытому обществу, покончить со взяточничеством, то это их проблемы.

– Вы искренне верите в то, что если майдановцы и сочувствующие им по всей Украине завтра подавят Юго-Восток и захватят реальную власть не только в Киеве но и по всей стране, и даже вернут Крым, то коррупция в этом государстве исчезнет как по мановению волшебной палочки? – удивленно спросил Игорь Ярославович, забрав слона противника и тем самым усилив явное своё преимущество на шахматной доске.

Озадаченность то ли от потери слона, то ли от простого вопроса, возникшая на лице Николая Петровича, в миг стерлась ворвавшейся в палату громкой и тревожной мелодией вызова его мобильного телефона. Он ответил :

– Да. Да, Толик..., я. А кто ещё? Ты же мне звонишь, – усмехнулся незадачливый шахматист в только-что взятую трубку «Нокиа», – " ну?», – озадаченность снова тенью вернулась на лицо Николая Петровича или, пожалуй, даже озабоченность, уже совсем серьёзная, а не шахматно-больничная, расслабленная, -так что ты не нашёл его?.. Не отвечает на звонки?.. Может у него есть другой телефон?.. Не знаешь?.. Так позвони ему на дачу... Нет телефона? У заместителя военкома, у полковника нет на даче телефона?.. А-аа, он расширил участок и строит бассейн? Переносят телефонные столбы? М-да..., нашёл время. Да нет, я понимаю, что это не моё дело... Ещё раз тебе сказать сколько им лет? Так ты ж записывал... Ну... Да, ладно, скажу, конечно. Старшему, Славику... Да, да, тому, который женится через два месяца, ему двадцать три, а меньшему, Володьке двадцать один. Он только-только университет окончил... Да знаю я, что весь их курс призывают. Ну и что? Володя ж и на свадьбе помогать должен... Ну да, на той, что у брата его через два месяца будет. И, вообще, готовиться ж надо к свадьбе... Та найдут там, кому воевать. И ты ж знаешь, я в долгу не останусь... Ни при чем? Это всегда при чём.. Я понимаю, что не по телефону... Нет уже добровольцев?.. Это полковник сказал?.. Так ещё, может, появятся. А мои дети не имеют никакого отношения к этой войне. Нельзя им на фронт, у них же вся жизнь впереди, понимаешь?.. Ну конечно! Были на Майдане, значит свой долг Украине они отдали уже... Нет, нельзя им на фронт. Я ж говорю... А, ну почему не даю слово сказать, я слушаю тебя внимательно... -сосед Мальцева по палате вдруг как-то сник, отчего-то поежился, растерянно посмотрел на Андрея Владимировича и сильнее прижал хрупкую «Нокиа» к уху, -Знаю... Да, понимаю... Да, на завтра у них повестки в военкомат, у обоих... Пусть идут?.. Он обещал, что будет с утра?.. Ты думаешь?.. А сегодня никак?.. Нет? – Николай Петрович тяжело вздохнул, – ну ты ж смотри, не подведи... Да, меня ж с утра завтра оперировать будут... Перестань, сейчас же речь не обо мне. В общем, надеюсь на тебя... Хорошо... Давай! Пока!

Бизнесмен отключил мобилку и почему-то очень осторожно, вроде опасаясь чего-то, положил её на тумбочку, а затем отвлеченно посмотрел на шахматную доску и тихо произнёс:

– Патовая ситуация.

– На доске? В стране? Или в жизни? – задал вопрос учитель.

Безусловно, он понял проблемы своего шахматного соперника из телефонного разговора. Уши ж свои он закрыть не мог. Вопрос его отдавал, правда, чёрным юмором, но ответ услышал искренний:

– По-моему, везде, -сосед небрежно взглянул на ожидающие его решения фигуры и предложил:

– Ничья?

– Пусть так, – согласился усмехнувшись Игорь Ярославович, пребывавший в полулежащем положении, а затем откинулся головой на подушку и уставился в потолок.

Так и закончилась шахматная партия в больничной палате.

## Глава 6

А летом Супрунов устроился таки на работу воспитателем в детский лагерь «Гвоздика», но расположенный не в Крыму, где каждое лето Игорь привык работать уже четыре сезона подряд, а в Кирилловке, на берегу Азовского моря. Учителю всегда было не просто находить общий язык с начальством, зачастую он не умел или не хотел держать язык за зубами, когда встречался с явной несправедливостью или глупостью руководства. Хотя, может иногда и стоило бы. Временами сам Игорь Ярославович задумывался о том, не слишком ли критично он относится к встречающимся на его трудовом пути руководителям, ведь идеальных начальников не бывает. Однако же сам себе отвечал, что от решений людей, начальствующих над педагогическим составом, будь-то в школе или, тем более, в детской здравнице, зачастую зависит степень безопасности детей. Например, разве мог Супрунов не возразить старшему воспитателю детского лагеря, предложившей, чтобы каждый отряд сделал акробатическую композицию, а жюри мол выберет отряд-победитель, то есть тот, в котором дети, вылезая на головы других, достигнут максимальной высоты. И дело даже не в том, что в таком более чем своеобразном акробатическом конкурсе одновременно предлагалось участвовать малышам и пятнадцати-шестнадцатилетним подросткам, а в том, что рискованные упражнения начальница желала увидеть в центральной части дискотечной площадки. А она ж, площадка эта самая, бетонная! Отчего зло так живуче и повторяемо педагог ответить себе не мог, но, к сожалению, подобный, очень не безопасный для детей конкурс, предлагалось провести с детьми не однажды. Игорь Ярославович в таких случаях всегда пытался доказать, что на бетоне или асфальте вместо матов, с обыкновенными, домашними детьми, не занимающимися спортом серьезно, нельзя так экспериментировать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.